

ЮРИЙ КАСПАРОВ:

Культура. — 2005. — 17-23 февр. — с. 13

Современная музыка становится все более востребованной...

Московский ансамбль современной музыки и Ассоциация современной музыки-2, названная так по аналогии с одноименной творческой организацией 20-х годов ушедшего века, празднуют свой 15-летний юбилей. В течение этих лет ансамбль приобрел мировую известность как интерпретатор новой и новейшей музыки, а ассоциация объединила самых разных и самых профессиональных представителей композиторского сообщества. Художественный руководитель МАСМ и один из ведущих композиторов АСМ-2 Юрий КАСПАРОВ поделился мыслями о прошлом, настоящем и будущем своего ансамбля в частности и современной культуры в целом.

— Кому пришло в голову организовать МАСМ и восстановить деятельность АСМ в конце прошлого столетия?

— Идея создания Московского ансамбля современной музыки пришла в голову мне, идея воссоздания Ассоциации современной музыки пришла в голову Дмитрию Смирнову. У истоков обеих организаций стоял мой учитель Эдисон Васильевич Денисов — выдающийся композитор, педагог и общественный деятель. В январе 1990 года он с удовольствием откликнулся на предложение возглавить ассоциацию, и с этого момента началась перманентная и очень насыщенная работа АСМ-2. Одной из самых нестандартных ее форм еще в начале 90-х были прямые трансляции творческих встреч (в основном по радио "Орфей"), где мы не только демонстрировали современную российскую музыку в живом исполнении МАСМ с последующим ее обсуждением, но и отвечали на вопросы радиослушателей в прямом эфире. Творческие встречи, показы новой музыки и дискуссии проводятся и по сей день, хотя и не в таком масштабе.

Я организовал МАСМ в марте 1990 года и, естественно, сразу же стал просить Денисова, чтобы он помог ансамблю на начальной стадии его работы. Денисов поначалу осторожно отнесся к идее организации такого коллектива, но когда мы записали первый компакт-диск и съездили на первые гастроли в Германию, где представили панораму современной российской музыки и, между прочим, получили превосходную прессу, он активно взялся помогать. И я ему за это очень признателен, потому что благодаря ему мы не тратили время на раскрутку и сразу же стали известным коллективом.

— Как складывалась творческая биография вашего ансамбля?

— Она тесно связана не только со всеми изменениями социально-политической обстановки в России, но и с отношением к нам Запада, которое тоже менялось. Период с 1990 по 1993 год был временем всеобщей эйфории, когда уже окончательно рухнули все преграды, стало возможным свободно выезжать за рубеж и обмениваться культурной информацией. Что тогда было особенно для нас важно — на Западе о новейшей российской музыке не знали почти ничего. Конечно, слышали кое-что из сочинений Шнитке, Денисова и Губайдулиной, но в остальном был информационный вакуум. Тогда с огромным интересом относились к любым нашим предложениям, приглашали на престижные международные фестивали, мы ездили безумно много... Я имею в виду не только

МАСМ, но и другие исполнительские коллективы. И вот к середине 90-х вакуум практически исчез, за 5 — 6 лет интенсивного сотрудничества от нас получили полную информацию. И, соответственно, интерес к нам начал оживать.

Надо сказать, что и мы получили от Запада огромное количество музыкальной информации. К нам приезжали многие зарубежные музыканты, но мы и сами знакомили российскую аудиторию с новой и новейшей западной музыкой. Впервые в России ансамбль представил портреты классиков XX века — Эдгара Вареза, Яниса Ксенакиса, Дьёрдя Куртага, Анатоля Вьеру и других. Тогда их музыку мало кто знал всерьез даже среди профессионалов. И это, кстати говоря, до сих пор сказывается на нашем композиторском образовании, которое и сегодня остается довольно консервативным. В целом у нас в России мало внимания уделяют современным техникам, недостаточно серьезно изучают даже таких классиков, как Пьер Булез, Карлхайнц Штокхаузен, Лудвиг Нono, Лючано Берно, Янис Ксенакис, Дьёрдь Лигети, я имею в виду столп середины — второй половины XX столетия. Нужно привлекать педагогов уже следующего поколения...

— Вы считаете это основной проблемой культуры?

— Первая проблема нашей культуры все-таки состоит не в том, что у нас необразованные люди, не в том, что у нас нет денег, не в том, что у нас нет энтузиастов, а в том, что у нас плохие законы. У нас много старых нормативных актов и положений, которые не соответствуют сегодняшнему дню. В чем-то мы перестраиваемся и берем пример с Запада, но далеко не во всем следуем его культурной политике. А между тем она хорошо отработана... Сейчас по разным причинам просто невыгодно выпускать компакт-диски (почти все CD нашего ансамбля, а их уже более сорока, к сожалению, вышли не в России, а за границей). Большие сложности возникают и с приглашением наших коллег из-за рубежа по государственному каналу... Говорят, у нас плохие чиновники. Я имею дело с очень многими организациями, и государственными в том числе, и практически везде встречаю понимание. Никто не собирается тормозить развитие современной музыки, но существуют ограничения законами. Тем не менее, в Роскультуре сейчас делают все возможное, нам помогают во многих наших начинаниях.

С 1994-го по 1999 год мы редко прибегали к господдержке, и я не могу сказать, что это был хороший период. Министерство культуры, конечно, работало, и поддержку ока-

Ю. Каспаров

зывало, но эта поддержка не могла быть систематической в условиях экономической нестабильности. А систематической она стала с 2000 года, когда ситуация в стране вновь поменялась к лучшему и начала стабилизироваться. Наряду с другими проектами Роскультура поддержала нашу идею всероссийского абонемента "Современная музыка". Это "долгиграющий" проект, теперь же ансамбль два раза в год ездит с современным репертуаром по регионам России, охватывая за одну поездку несколько городов. А надо сказать, что именно в этой области культуры российские регионы испытывают острый дефицит. Наши концерты нередко проходят в симфонических залах, собирая аудиторию и в 800, и даже в 1000 человек... На сегодняшний день ансамбль объездил около пятидесяти российских городов — от Петрозаводска до Новосибирска, Томска и Красноярска. Люди оставались после концертов и задавали множество вопросов — от наивных до специальных. Мне кажется, этот непосредственный контакт музыкантов и публики очень важен...

— Как вы оцениваете состояние современной культуры в Москве?

— Современная культура становится все более востребованной, и на примере Москвы это видно наиболее выпукло. Недавно я принимал участие в организованной М.Е.Шведким встрече с представителями литературы, живописи, музыки, театра и кино, посвященной проблемам развития современного искусства в России. В частности, он сказал, что с 2000 года положение дел в этой области постепенно стало продвигаться в лучшую сторону. И действительно, сегодня в Москве существует несколько различных по своей направленности центров современного искусства (ГЦСИ, Центр "Дом", "Devoletto Modema", Термен-центр), специализированных фестивалей ("Московская осень", "Музыка друзей", "Альтернатива") и исполнительских коллективов (МАСМ, "Opus Posth", Ансамбль ударных инструментов Марка Пекарского, "The Pocket Symphony" и др.). Не говоря уже о том, что в Центре "Дом" проводятся именитые фестивали Владимира Мартынова, Сергея Курехина, Казимира Малевича, а также устраиваются выставки современного живописи, презентации новых книг, показы экспериментального кино. В "Доме" проходят и такие совер-

шенно элитарные акции, как концерты электронной и электроакустической музыки, Андрей Смирнов регулярно собирает ансамбль терменвоксов... "Дом" для меня интересен еще и тем, что там всегда бывает много молодежи, и, в меньшей степени, своей неформальной атмосферой. Все это говорит о том, что московская публика уже приучена к современному искусству.

— А как обстоит дело в российских регионах?

— В регионах тоже много фестивалей, которые занимаются современным искусством и современной музыкой в частности. Давно существуют Брянский Фестиваль имени Николая Рославца и Наума Габо, казанский Фестиваль "Европа — Азия", Санкт-Петербургские "Звуковые пути" и "Петербургская весна". Причем именно в регионах зачастую проходят важнейшие мировые премьеры — например, на брянском фестивале впервые прозвучали многие сочинения Рославца, в том числе и недавно найденная Вторая камерная симфония. А в последние годы возникают и другие не менее интересные фестивали — "Картинки с выставки" в Нижнем Новгороде, Фестиваль имени Эдисона Денисова в Томске, питерские "Дельфийские" и "Пифийские игры", "Ростовские премьеры" в Ростове-на-Дону... Кроме того, Александр Чайковский уже несколько лет проводит территориально мигрирующий фестиваль "Молодежные академии России", где музыка молодых российских композиторов звучит не только в камерных, но и в симфонических концертах.

— Мне бы хотелось, чтобы вы сказали несколько слов и об Ассоциации современной музыки. Сегодня в ее составе — совершенно разные творческие индивидуальности, и вряд ли можно говорить о какой-то единой эстетике. Виктор Екимовский, Игорь Кефаллиди, Александр Вустин, Фарух Караев, Владимир Тарнопольский, Сергей Павленко, Дмитрий Капырин — их творческие позиции очень яркие, и между ними мало общего. Так было и 15 лет назад, или тогда ассоциация была более монолитной?

— Тогда, несомненно, был общий дух, общая идея. Нестандартное композиторское мышление, творческий поиск, эксперимент — вот что нас объединяло. Во многом этот общий дух связан с влиянием Денисова — даже те, кто у него не учился, в той или иной степени были этому влиянию подвержены. Сегодня мы уже не можем говорить об АСМ как о едином целом. Сейчас мы значительно больше знаем, чем тогда, нам доступна практически вся музыкальная информация с Запада. Мы стали взрослее, надеюсь, умнее, и с высоты нашего возраста уже относимся к этой информации по-другому, более творчески. Каждый выбирает себе то, что ему ближе, и таким образом наши стили все больше расходятся...

Беседу вела
Ирина СЕВЕРИНА